

Ха-ха-ха-ха! Из палатки позади кухни донесся внезапный, полный восторга смех.

Дядя Пэн, услышав шум, приподнял полог и вошел внутрь. Он как раз закатал рукава, а в руке у него был кухонный нож. Первое, что он увидел — Сюй Цзыин, который в одиночестве довольно ухмылялся, глядя на вычищенную до блеска ночную вазу.

Сюй Цзыин жил здесь всего несколько дней, вещей у него почти не было, поэтому для эксперимента пришлось взять этот горшок. Он им сегодня еще не пользовался, так что пренебрег брезгливостью и принялся изучать, как бы поместить его в мешочек.

Хотя размеры предметов сильно различались, Сюй Цзыин с первой же попытки понял: стоило ему лишь пожелать, чтобы вещь оказалась внутри, как при соприкосновении с мешочком она бесследно исчезала.

Осознав, что этот мешочек — не что иное, как пространственное хранилище, Сюй Цзыин не смог сдержать радости. После всех злоключений, выпавших на его долю после перемещения в этот мир, это было первое по-настоящему приятное событие. Просто чудо!

Стоило ему поставить горшок на пол, как он столкнулся взглядом с дядей Пэном, стоявшим у входа. Воздух в палатке словно застыл, слышно было лишь, как тихонько позвякивают кисточки на маленьком мешочке в руках Сюй Цзыина.

Дядя Пэн сохранял невозмутимость, хотя кухонный нож в его руке выглядел несколько угрожающе.

— Господин Сюй, что это вы здесь делаете?

Сюй Цзыин открыл рот, не зная, как оправдаться. Он поспешно вскочил, испугавшись ножа в руках дяди Пэна, и указал на мешочек:

— Это... это... мне дал Жун Фэйянь, я... я просто... поэтому я...

Сюй Цзыин нес полную околесицу, и к концу фразы понял, что связать воедино имя Жун Фэйяня и ночную вазу будет крайне затруднительно.

Однако у дяди Пэна была своя логика. Он понимающе усмехнулся:

— Понятно, господин Сюй скучает по генералу. Не переживайте, генерал сейчас занят, как только освободится — обязательно навестит вас.

Сюй Цзыин опешил. Что за бред? Он хотел было объяснить, что вовсе не пялился на горшок, мечтая о Жун Фэйяне, но дядя Пэн уже опустил полог и ушел, не дав ему ни единого шанса.

Сюй Цзыин с грохотом опустился на деревянную кровать, которая жалобно скрипнула под его

весом. Через мгновение он снова посмотрел на мешочек. Несмотря на все внутренние терзания, ему действительно необходимо было встретиться с Жун Фэйянем. Нужно было прояснить, знает ли тот о пространственных свойствах этого подарка.

Однако следующие два дня он не видел Жун Фэйяня. Дядя Пэн, получив указания, следил, чтобы Сюй Цзыин не покидал палатку.

Сюй Цзыин коротал время за бухгалтерскими книгами: дочитал недавние записи, принялся за старые. Если попадалось что-то сложное, просто пропускал, вникая в то, что было понятно, и с каждым днем все ловчее управлялся со счетами.

После того как он нашел несколько старых ошибок в расчетах, Жун Фэйянь наконец появился.

Стояло позднее лето. Земля высохла, жара была невыносимой. Дядя Пэн неплохо относился к Сюй Цзыину и, опасаясь, что в палатке тому будет слишком душно, разрешил вынести табурет и сесть у колодца рядом с кухней, где было прохладнее.

От колодца веяло холодом, а вокруг стояла невысокая стена, так что проходящие мимо солдаты не могли увидеть, кто там сидит. Сюй Цзыин провел там все утро.

— Господин Сюй, попробуйте.

Дядя Пэн принес миску кукурузной каши с кусочками льда — лучшее средство от жары.

Сюй Цзыин взял миску и улыбнулся:

— Спасибо, дядя Пэн.

— Не меня благодарите, — ответил тот. — Кукуруза — редкая вещь, обычно ее ест только генерал. Это он специально велел выделить порцию для вас. Лучше поблагодарите его лично.

Сюй Цзыин лишь хмыкнул, никак не прокомментировав услышанное. Впрочем, отказываться от бесплатной еды он не собирался: каша была сладковатой и освежающей, он быстро опустошил миску.

Вдруг, запрокинув голову, он поперхнулся и принялся отчаянно кашлять. Вскоре почувствовал, как кто-то мягко похлопал его по спине.

— Ну куда же ты так спешишь? Бедняга, если хочешь, я тебе хоть всю порцию отдам.

Услышав этот голос, Сюй Цзыин закашлялся еще сильнее. С трудом придя в себя, он небрежно вытер рот, глаза его от напряжения покраснели.

Жун Фэйянь вскинул темные брови:

— Ин-ин, чего ты на меня так смотришь?

— Убери свою... кх-кх... убери руку, кх-кх...

— Я, маркиз, спину тебе погладил, не будь таким неблагодарным.

Сюй Цзыин стиснул зубы:

— Ты спину гладишь или обнимаешь? У тебя совесть есть?

Жун Фэйянь, продолжая поглаживать его, воспользовался моментом и приобнял. Даже когда Сюй Цзыин поймал его на этом, он не отстранился, а просто придвинул табурет и сел вплотную.

— Что, даже прикоснуться нельзя?

Сюй Цзыин сбросил его руку с плеча и отодвинулся на расстояние одного человека. Жун Фэйянь, улыбаясь, снова подался вперед. Сюй Цзыин решил стерпеть. В конце концов, нужно держать себя в руках — ему еще деньги у него зарабатывать, чтобы долги отдать. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул, а когда открыл их, увидел, что Жун Фэйянь держит в руках свежий, ярко-красный персик.

Сюй Цзыин проследил взглядом по руке до надменного, красивого лица Жун Фэйяня и, поняв, что персик всего один, заметил:

— Ты же такой богатый, неужели тебе жалко кукурузы и персиков?

Жун Фэйянь ткнул его пальцем в лоб:

— Ты не память потерял, ты совсем глупым стал? Эта кукуруза растет только в Западном крае, даже император в Сюаньлэ не может есть ее каждый день. Нам просто повезло, что мы оказались неподалеку.

Сюй Цзыин понятия не имел, чего в древности много, а чего мало, поэтому просто ответил:

— Оу. А персики тоже такая редкость?

Сказав это, он потянулся за фруктом. Жун Фэйянь явно принес его для него, но, когда Сюй Цзыин попытался его забрать, тот ловко взмахнул рукой, не давая себя обхитрить.

Жун Фэйянь приподнял персик:

— Вот этого добра у нас много. Если пойти на восток, там есть большой рынок, где торгуют разные народы, там фрукты свежие и вкусные.

Сюй Цзыин проворчал:

— Ты же богат, неужели так жадничаешь на персик?

— Вовсе нет.

Под озадаченным взглядом Сюй Цзыина Жун Фэйянь разломил персик пополам, протянул одну половинку ему и с глубоким, многозначительным видом произнес:

— Я желаю разделить с тобой персик. Ты хочешь... разделить его со мной?

Сюй Цзыину показалось, что здесь что-то не так, но он не понял этих витиеватых слов. Подозрительно взглянув на Жун Фэйяня, он под его уверенным взглядом осторожно взял половинку.

Жун Фэйянь откусил от своей части, и, видя, что Сюй Цзыин медлит, сказал:

— Ешь, он очень сладкий.

Убедившись, что Жун Фэйянь тоже ест, Сюй Цзыин откусил кусочек. Персик был сочным и нежным. Так они и сидели, доедая разделенный пополам плод.

Закончив, Сюй Цзыин небрежно вытер руки о свою одежду. Жун Фэйянь, заметив это, сказал:

— Ин-ин, есть нужно изящнее, так ты выглядишь куда приятнее.

Сюй Цзыин, не задумываясь, ответил:

— Не нравится — не смотри.

Сразу после этого он понял, что сказал лишнее, но как раз в этот момент Жун Фэйянь протянул ему платок. Сюй Цзыин молча принял его.

Платок был темного цвета, но из хорошей ткани. Сюй Цзыин не решился вытирать им руки, а просто спрятал в карман. Жун Фэйянь промолчал, лишь спросил:

— Хороший платок, оставь себе. Кстати, как тебе мешочек, который я дал тебе на днях?

Сюй Цзыин как раз собирался спросить об этом сам. Он достал мешочек, не зная, с чего начать, и наконец произнес:

— М-м... мне он очень нравится.

Сюй Цзыин впервые так прямо выразил свою симпатию, и Жун Фэйянь просиял — его глаза заблестели, а на губах заиграла улыбка.

Жун Фэйянь выглядел очень привлекательно, когда улыбался. Сюй Цзыин поджал губы, опустил глаза на мешочек и решил зайти издалека:

— Этот твой... мешочек, он такой красивый. Где ты его купил... то есть, где его сделали?

Если не прислушиваться, вопрос казался вполне обычным. Жун Фэйянь принялся хвастаться:

— Велел слугам привезти его из Сюаньлэ на самой быстрой лошади. Ткань здесь хорошая, не пачкается, да и выглядит эффектно. А на ощупь прохладный и приятный.

Слушая Жун Фэйяня, Сюй Цзыин понял, что тот ничего не знает о магических свойствах мешочка. Успокоившись, он убрал его обратно.

Жун Фэйянь видел, как бережно Сюй Цзыин прячет подарок, и решил, что тот просто очень доволен вещью. У него самого было полно таких безделушек, и его тронуло, с какой трогательной тщательностью Сюй Цзыин относится к этой мелочи.

Он протянул руку и притянул его к себе. Без задней мысли он просто погладил его по худой спине и прошептал:

— Ин-ин, сколько же тебе пришлось пережить...

Солнце клонилось к югу, воздух был теплым, почти жгучим. Высокая фигура Жун Фэйяня заслонила свет, и Сюй Цзыин, оказавшись в тени, почувствовал, как жара отступает, а тонкий слой пота на лбу высыхает.

Через некоторое время Сюй Цзыин уперся руками в грудь Жун Фэйяня и оттолкнул его.

— Ты что делаешь? Я разрешал себя обнимать?

Он терпел ради приличия, помня, что имеет дело с богачом, но этот тип обнимался без конца. Так и до чувств недалеко. Жун Фэйянь выглядел так, будто был в него влюблен, и Сюй Цзыину снова захотелось его ударить.

Жун Фэйянь стер с лица следы напускной печали и соблазнительно прищурился:

— Ин-ин, мы же разделили персик, неужели ты не позволишь мне тебя обнять?

Сюй Цзыин окинул его взглядом и недоуменно произнес:

— Разделили... персик... и что? Это просто значит, что я съел твой персик. Половину! Ты больной, что ли?

Жун Фэйянь с притворным вздохом покачал головой:

— Ин-ин, как ты можешь быть таким...

Сюй Цзыин не понимал, почему тот делает вид, будто его бросили, но, не имея выбора, решил уступить:

— Ладно, извини, хорошо? Съел твою половину, теперь я у тебя в долгу.

Видя, что Сюй Цзыин не до конца смирился, Жун Фэйянь решил припомнить старое:

— Не только это. Ты ведь еще должен мне пятьдесят тысяч серебряных монет.

Тут Сюй Цзыину стало нечего сказать. Жун Фэйянь продолжал допытываться:

— Так ты желаешь разделить со мной персик?

Сюй Цзыин раздраженно ответил:

— Желаю, желаю! Хоть десять штук разделим, доволен?

Жун Фэйянь расхохотался, еще немного поучил его работать с бухгалтерскими книгами и, заложив руки за спину, удалился.

К вечеру Сюй Цзыин все думал об этом разговоре. Что такого в обычном персике? Почему Жун Фэйянь так настаивал на этих словах? У него возникло предчувствие, что его снова обвели вокруг пальца. Не выдержав, он решил спросить дядю Пэна.

Дядя Пэн сидел снаружи и курил трубку. Сначала он рассмеялся, а потом с серьезным видом просветил Сюй Цзыина:

— Генерал к вам равнодушен, он хочет стать ближе.

— Раз... разделить персик — это значит вот что?

— Именно так.

Лицо Сюй Цзыина позеленело. Теперь он наконец понял истинный смысл фразы. Что это означало? Была ли в этом хоть какая-то разница с тем, если бы Жун Фэйянь прямо спросил: Ты хочешь, чтобы я тебя поймел?

А он, дурак, еще и твердил: Желаю, желаю! У него подскочило давление, хотелось биться головой о стену. Он топнул ногой и закричал в темнеющее небо:

— Жун Фэйянь, ты снова меня обманул! Ты великий лжец! А-а-а-а!

<http://bllate.org/book/18792/1825615>